

Путь к успеху

Автор:

Анна Метлицкая

Путь к успеху

Анна Метлицкая

Сейчас Софья счастлива. Она занимается любимым делом, часто путешествует и много времени проводит со своей семьёй. Но что этому предшествовало?

Потеря. Нескончаемая боль от потери. Убедив себя в том, что всё вернулось на круги своя, София продолжила жить, будто ничего не случилось. Но отголоски закопанной где-то глубоко внутри боли раздаются в душе Софии с новой силой.

Потеря меняет Софию. Меняет жизнь Софии. Но какова станет жизнь девушки, потерявшей единственного человека, дарившего ей свет в этом тёмном мире?

Анна Метлицкая

Путь к успеху

Пролог.

Пятнадцатилетняя Асенька, как её называли близкие, не могла ничем похвастаться перед друзьями и знакомыми. Она была единственным ребёнком в самой, казалось бы, обыкновенной семье. Ася ходила в школу, занималась лыжным спортом и планировала в будущем стать школьным учителем физической культуры.

Асеньку раздражало, что её мама без видимых на то причин протестовала против работы дочери в школе и пророчила ей будущее выдающегося учёного, аргументируя это тем, что двоюродный брат Аси был известным биологом и мог ей помочь во многом.

Асеньке не нравилась эта идея, поскольку её не привлекала перспектива посвятить себя науке. Да и брата Асенька видела не так часто – он всё время посвящал исследованиям и окончательно рассорился с семьёй. Только Асенькина мама и её племянница продолжили общение с великим биологом, светилом мировой науки.

Но и матушкину племянницу Асенька не помнила: в последний раз она её видела в три года, когда та выходила замуж. Асина мама, хоть и не так часто, но поддерживала отношения со своей племянницей и рассказывала дочери о её жизни: о работе, семье, путешествиях, детях и жизни в другой стране.

По праздникам Асенька и её родители всегда уезжали к дяде и тёте девочки, где собиралась большая семья. Сверстников среди матушкиных родственников у Асеньки не было, все её кузены и кузины были старше её самой как минимум на пятнадцать лет. Но Ася очень сильно сблизилась с тётушкой, которая рассказывала девочке о жизни её родных, когда те были такими же подростками.

О сестре, которую Асенька не помнила, все говорили с любовью и теплотой. Родным, особенно брату Егору и его жене Маше, всегда было интересно обсудить новости, которые передавала кузина, живущая в Германии.

Асенька чувствовала, что, несмотря на тёплые отношения, в её семье есть какие-то тайны и недоговорённости, известные всем кроме неё и её пятилетней племянницы Софьюшки. В глубине души Асенька догадывалась, что эти тайны напрямую касаются её и, возможно, её будущего, но разгадать их Асеньке до сих пор не представлялось возможности.

Во время празднования Нового года Виталий, старший брат Асиной мамы, сказал, что они с женой скоро едут в гости к дочери, и та предложила взять им ещё кого-то двоих, так как она очень соскучилась по родным.

Загадочная натура кузины, которая была старше Аси на семнадцать лет, очень привлекала последнюю, поэтому Асенька изъявила желание повидаться с кузиной. По различным обстоятельствам остальные не могли бросить всё и поехать в Германию, поэтому именно Ася и её мама должны были составить компанию дяде Виталию и его жене.

Ася несколько раз была за границей, но это была её первая поездка в Германию. В середине февраля Асенька, её мама, дядя и тётя приехали в аэропорт. Просмотрев Асенькин билет, бортпроводница приветливо сказала: «Доброе утро, Анна Николаевна! Ваше место в шестом ряду, вам надо повернуть направо. Приятного полёта!». Вскоре самолёт поднялся в небо, а уже через несколько часов Асенька ступила на земли, принадлежавшие Германии.

Кузина сказала, какая машина должна была встретить её родственников. Но, к Асиному изумлению, самой сестры там не было. Тем не менее, водитель оказался знакомым с родными Аси и даже откуда-то знал её саму. Асенька никак не могла вспомнить, где она его видела, но лицо водителя также было знакомо девушке.

Через четверть часа водитель остановил машину напротив дома, построенного в готическом стиле. Мужчина кому-то позвонил и спросил: «На базу?». Получив утвердительный ответ, произнесённый мужским голосом, взволнованный водитель повёл приехавших в противоположную от дома сторону.

Даже в другой стране Асенька без труда узнавала то место, куда её привели. Она оказалась на лыжном стадионе. Водитель выдал ей пропуск и указал, куда идти. Асеньку тянуло к тренирующимся на стадионе спортсменам, но ей было велено идти в административное здание. Там в одном из кабинетов за столом и сидела Софья, сестра Асеньки. За маленьким столом неподалёку гордо сидела девочка лет двух. Маленькая работница важно раскрашивала какую-то картинку и находила своё занятие очень занимательным.

Софья встала из-за стола, с яркой улыбкой подошла к родным и по очереди долго обнимала каждого из них. Один за другим Софье сыпались вопросы: где Чарли? а Макс? говорит ли Шарлотта по-русски? скучает ли Софи по Родине? а Ник надолго здесь? он один, или Саша с ним? Асенька не могла уследить за ходом мыслей родных, потому что она и не представляла, кто такие Макс, Ник и Саша.

Софья взяла на руки свою маленькую помощницу и представила её бабушке и дедушке – своим родителям. Асенька посмотрела на свою маленькую племянницу и испытала к ней прилив тёплых ощущений.

– У Макса сейчас тренировка, – отвечала Софья, – Чарли, соответственно, там же. Да, Лотти понимает русский язык, но её речи на любом языке пока практически никому не понятны, в том числе и нам самим. Мам, конечно, я скучаю по всем вам, но мы не можем просто так сорваться и уехать: у Чарли на месяцы вперёд расписан каждый час. Ник здесь будет ещё пару недель, а Саша, я так понимаю, всё-таки решил остаться. Я ведь права? – обратилась она к водителю.

– Да, он на днях заключил договор – теперь он работает здесь тренером. – Подтвердил тот.

Единственное, что поняла Асенька – это то, что Софья была мамой Шарлотты. Поэтому, когда счастливые родственники ушли на стадион к Максиму, Ася осталась наедине с кузиной. Софья закончила работу и постаралась объяснить Асе, кто из перечисленных людей кем приходится ей.

Асенька рассказала кузине, что страстно любит лыжи и попросила объяснить ей, как пройти на стадион, где Ася хотела увидеть одиннадцатилетнего племянника. «Это у тебя от неё» – задумчиво сказала Софья, но потом опомнилась и рассказала кузине, как пройти к стадиону.

Асенька на стадионе увидела свою маму, говорящую с мужчиной, похожим на парня, подвезшего их из аэропорта. Асенька уже знала, что это был его брат Александр, многократный чемпион мира по биатлону.

– Она не знает? – до Асеньки донёсся удивлённый голос звезды мирового биатлона.

– Нет. Но Ася будто бы повторяет её путь. Я не хочу, чтобы всё также закончилось!

– Так почему бы вам не рассказать ей?!

– Я знаю свою дочь, она захочет реализовать то, что не получилось у её кузины.

– Варвара, вы же понимаете, что она рано или поздно всё узнает? К тому же, то, что случилось – это нетипичный случай. Разве за столько лет после того подобное повторялось?

– Саша, я вам говорю, ей пока лучше ничего не знать. К тому же, я не понимаю, почему вы так интересуетесь этой темой, вы ведь её даже не знали!

Асенька резко развернулась и стремительным и быстрым шагом направилась обратно к кухне. Асенька потребовала Софью рассказать ей всю правду: почему год рождения Аси в семье стараются не вспоминать? почему мама злится, когда кто-то называет Асеньку Аней? что не должно повториться и почему мама старается ограничить увлечение Аси лыжами? Асенька была уверена, что именно Софья знает ответы на все эти вопросы. И Софья, которая прекрасно понимала, о чём говорили Варвара с Александром, и которая не знала, что эта информация тщательно скрывается от её пятнадцатилетней кузины, начала свой рассказ.

Глава 1.

«Когда я познакомилась с Ником, мне было шестнадцать лет.

Первого сентября я пришла в школу на линейку, поздоровалась и поговорила с классным руководителем, послушала торжественную речь директора школы. По окончании линейки мой десятый класс дружно вошёл в здание школы и направился в кабинет, где проходил классный час.

– Ребята, – сказал нам классный руководитель, мужчина лет сорока пяти в темно-сером, почти чёрном костюме и белой рубашке, – в нашем классе новый ученик. – Педагог указал рукой в сторону парня, стоявшего недалеко от него. – Его зовут Никита Раевский.

Потом учитель начал говорить об изменениях в работе школы, о новых предметах и новых учителях. Я не слушала его, потому что разглядывала нового одноклассника. Этот Раевский кого-то мне напоминал. И фамилия была красивая. Лаконичная и небанальная. Но сам Никита казался каким-то серым и невзрачным, безжизненным. Его взгляд был направлен в одну точку, и я не могла понять, куда. Казалось, что что-то его удручало, будто ему было

некомфортно с нами.

Прозвенел звонок, и мы вышли на перемену. У нас было десять минут до следующего урока, где нам должны были рассказать о правилах поведения и безопасности в школе и на улице. На моё удивление, к Раевскому не подошёл никто – все разбрелись по своим группам. Я решила взять инициативу в свои руки и подойти к нему.

– Привет, я Соня. Соня Громова.

– Ник. – Кротко и поспешно ответил мой новый знакомый. Было видно, что он взволнован.

– Ты местный? Или вы переехали откуда-то? – Я задала первый вопрос, пришедший мне в голову.

– Я из Петербурга, мы совсем недавно переехали сюда.

– Приятно познакомиться, Ник из Петербурга. – Я улыбнулась Никите, он посмотрел мне в глаза и тоже улыбнулся мне в ответ.

Я замолчала, потому что не знала, о чём ещё можно поговорить с Раевским. Я ещё раз на него взглянула. Я не могла назвать его красивым, но он был привлекательным. У него были тёмно-зелёные, почти карие глаза. Его русые волосы были небрежно уложены и смотрели куда-то вверх. Он был в тёмном пиджаке, а верхняя пуговица его голубой рубашки была расстёгнута, подчёркивая его ключицу. Мне сразу понравился Раевский. Он был симпатичен и при этом хорошо держался. Я уже собиралась отойти, когда Ник обратился ко мне.

– Сонь, подожди. А какой у вас коллектив? Ты давно учишься здесь? – По его тону было слышно, что его искренне интересовал этот вопрос, что он задал его не просто для того, чтобы продолжить беседу.

– Знаешь, сложно сказать. Я здесь учусь с четвёртого класса, перешла из соседней школы. Я сразу подружилась с несколькими девочками. Одна сейчас со мной сидела, а вторая ушла в колледж после девятого класса. Потом я стала

больше общаться с парнями. Они интересные, но к ним надо найти подход. Если хочешь, можешь держаться возле меня, я помогу тебе влиться в коллектив.

– Спасибо, Сонь.

– Можешь называть меня Софа. Мне так больше нравится. Кстати, ты часто меняешь школы? Какая это по счёту?

– Да очень часто, если честно. Это восьмая. И, надеюсь, последняя. Когда мой старший брат жил с родителями, он часто менял место работы, и мы переезжали. Теперь он живёт отдельно, а мы переехали в Москву.

– Сколько ему? Взрослый, наверное.

– Шестнадцатого сентября будет двадцать один.

– Я поняла тебя, Ник из Питера. Будем друзьями? – Я сказала эти слова и ехидно ухмыльнулась. Раевский кивнул и улыбнулся. Мне стало интересно, кем работает его брат, что он так часто переезжает, но я не успела спросить. Прозвенел звонок. Я заняла своё место на второй парте, Ник сел на свободное место за мной.

В кабинет вошёл Сергей Александрович, наш классный руководитель и по совместительству учитель географии. Он раздал нам документы, в которые я не вчитывалась. Их надо было дать родителям на подпись и принести на следующий день.

– Ребята, нам надо решить несколько организационных вопросов. Во-первых, нам надо выбрать старосту. Я предлагаю Софью, потому что в прошлом году она отлично справлялась с обязанностями. А заместителем пусть будет Маша Зеленина. Есть возражения? – Учитель обвёл взглядом весь класс. Ник удивлённо на меня посмотрел, а Маша, которая сидела рядом со мной, радостно улыбнулась. – Хорошо, мы определились. Далее, нам надоделиться на группы по иностранному языку и информатике. Софья, займись, пожалуйста, этим. А я пока расскажу вам основные правила поведения на железной дороге, которые вы итак слышали уже раза три, как минимум.

Пока Сергей Александрович зачитывал некоторые положения, я вырвала лист из тетради, разделила его на две части и написала «Группа №1» и «Группа №2». В каждой колонке я проставила числа до тринадцати, так как всего в классе нас было двадцать шесть. В первую графу я занесла свою фамилию, фамилии Маши и Ника и передала листок дальше. Через десять минут заполненный лист был на учительском столе. Всё было верно, списки не нуждались в правках. Учитель нас похвалил за «самостоятельность» и отпустил домой. Так закончился первый день того рокового учебного года.

На следующий день первым уроком был английский язык. У моей группы его преподавала Екатерина Сергеевна, полная женщина лет тридцати пяти. У неё был необычный акцент, которого она стеснялась, и поэтому старалась как можно реже переходить на английский язык. Она начала проводить перекличку.

– Афросимова Юля – вижу, Громова Соня – здесь, Зеленина Маша – да, так, всех вижу. Вижу... Вижу... Тут... Раевский Никита. Новенький? Подними руку, пожалуйста. Всё, увидела.

Екатерина Сергеевна закончила перекличку и подошла к Нику, чтобы побеседовать и определить его уровень.

– Никита, ты ведь раньше изучал английский язык?

– Да, я около года учился в английской гимназии. Часто бывал за границей и общался с иностранцами. Недавно сдал экзамен и подтвердил владение языка на уровне носителей.

– Отлично, я тебе верю. Расскажи мне, пожалуйста про какого-нибудь родственника, например. Хочу послушать твою речь. Давай, Никита.

– Хорошо. У меня есть брат, его зовут Саша. Ему почти двадцать один год. Мой брат спортсмен, но пока он не очень известен. Алекс, так его называют друзья, высокий и красивый, со спортивным телом. У него пока нет девушки. Я люблю моего брата, это один из лучших людей на Земле! – Без особого труда и с интонацией зануды на чистом английском языке произнёс Ник.

Почти никто не слушал Ника, все занимались своими делами. Я услышала, что брата зовут Саша. Александр Раевский. И в тот момент я вспомнила, что

любимого биатлониста моей сестры, который сейчас выступает за юниорскую сборную, зовут так же! Я не знала, когда у него день рождения, но я читала, что ему на тот момент было около двадцати лет. Наверное, он часто переезжал, потому что он регулярно менял тренеров и команды. Всё сходилось. Мой одноклассник Ник вполне мог быть братом Александра Раевского. К тому же, эта фамилия не была особо распространённой.

Весь остаток урока я пристально смотрела на Ника, пытаюсь найти в нём внешние сходства с биатлонистом. Несколько раз Раевский перелавливал мой взгляд и почти незаметно улыбался. Меня не отпускало ощущение, что глаза моего одноклассника были похожими на глаза биатлониста, были почти такие же скулы. Но я не исключала, что это просто плод моего воображения, что я просто придумала себе это сходство, выдав желаемое за действительное.

Со звонком я моментально кинула вещи в сумку, договорилась с Машей Зелениной отдельно на следующем уроке и молнией подскочила к Раевскому.

– Ты родственник того самого Раевского?! – Я вскрикнула.

– Если ты про полководца, то я не его потомок. – Спокойно, но увлечённо отвечал Ник, на его губах показалась лукавая ухмылка.

– Ты прекрасно понимаешь, что я не про полководца.

– Да, я брат Александра Раевского, российского биатлониста, члена юниорской сборной.

– Как тесен мир! Никогда не думала, что такое может произойти! Ты так сказал, будто эта фраза заучена, и тебя часто спрашивают. Много было таких же любопытных за восемь-то школ?

– На самом деле, ты первая. Сам Саша не настолько популярен, чтобы его узнавали, а я – тем более. Судя по твоей реакции, тебе нравится он как спортсмен. Чем он тебя привлёк? Что тебе в нём нравится?

– Тебе правда интересно узнать? Хорошо, Ник. Во-первых, я с детства люблю биатлон, это мой любимый вид спорта, поэтому я постоянно слежу за его

новостями. Конечно, меня не мог не заинтересовать молодой и перспективный спортсмен. Во-вторых, ты, конечно, знаешь, что в прошлом сезоне у него были проблемы с тренерами. Его подготовка объективно была на восьмое-девятое место, если не ниже, а он стабильно финишировал не ниже четвёртого. Он доказывает на своём примере, что всё зависит от нас, только от нас: от нашего желания, нашей воли, нашего труда. Александр Раевский делает невозможное возможным. А в-третьих, несмотря на свою известность (пусть пока что и в узких кругах), он остаётся собой. На разных пресс-конференциях он всегда открытый. Видно, что он обычный юноша, а не звезда.

- Вау, Соф, это здорово. Я обязательно передам твои слова брату. Его это тронет.

- Спасибо, Ник, тронул. - Я улыбнулась. Мы подошли к кабинету, где следующим уроком у нас проходил русский язык. - Сядем вместе?

- Давай.

На уроке мы с Ником тихо переговаривались. Когда он задал вопрос о том, как я полюбила биатлон, учительница сделала нам замечание. Я пообещала ответить ему на перемене, но забыла, так как мы сменили тему разговора.

С Ником было интересно. Мы стали много времени проводить вместе. Почти на всех уроках мы сидели вместе. Сначала я проводила время с Ником из-за его брата. Да, мне было интересно узнать, как проводит время Раевский-старший. Но за этими расспросами таилось нечто большее, чем слепое обожание Александра и использование Никиты. С того самого дня я была уверена, что влюблюсь в Раевского. Но я не знала, в какого именно. Сначала я была уверена, что мне понравится Саша. Была бы такая классическая история: пай-девочке Соне понравился известный парень Саша, который её полюбит, и они будут жить долго и счастливо.

Но всё оказалось намного сложнее. Александр был прекрасным спортсменом и, судя по рассказам Ника, хорошим человеком. Но моё сердце расположилось к младшему брату: тихому и скромному Нику. И я чувствовала, что это было взаимно. Ник тянулся ко мне, со мной он раскрывался и как будто расцветал.

В начале зимы мы вместе пришли в библиотеку, чтобы взять произведение, которое мы начали проходить в школе. Я решила задержаться и посмотреть

другие книги. Не первый день меня уже несколько дней мучало то, что мы с Ником были больше, чем друзьями. И я считала, что мы обязаны обговорить это.

Я зашла в отдел современной литературы, взяла первую попавшуюся книгу, открыла её на случайной странице и прочитала первое предложение: «Твоя судьба в твоих руках». Я подумала, что это знак. Поэтому после того, как мы взяли нужные книги, а я заодно взяла книгу, в которой я нашла это предложение, я твёрдо решила поговорить с Ником.

– Ник, у меня важный разговор. – Выпала я. Моё сердце было готово выскочить из груди, а на моих щеках появился румянец. – Скажи честно, я тебе нравлюсь?

– Соф, что за вопросы? Конечно! Ты мой лучший друг.

– Нет, Ник, я про другое. Что, если между нами будет не только дружба, а нечто большее?

– То есть, ты предлагаешь стать моей девушкой? – Пряча руки за спиной, спросил Ник. Было видно, что он тоже стеснялся.

– Нет, я спрашиваю, хотел ли бы ты этого. А это другое. Только честно, пожалуйста, я не обижусь.

– Громова Софья Витальевна, будь моей девушкой! – Смело произнёс Раевский.

Я не знала, что сказать. Я подошла поближе к Нику и обняла его. Это был мой островок безопасности. И я его любила.

Ник быстро влился в коллектив. Он стал капитаном школьной футбольной команды, а после новогодних каникул обещал организовать поход на лыжах. У Никиты было много друзей и приятелей, поэтому ему было грустно расставаться с нами в середине декабря. У Александра был перерыв между этапами, поэтому он пригласил своих родных в Германию, где остановилась юниорская сборная для продолжения тренировок.

За день до отъезда Раевского, мы пошли с ним гулять. Мы должны были разлучиться почти на месяц, до окончания каникул, поэтому мы придумывали

возможные и невозможные способы для поддержания связи. Мы хотели как можно больше друг другу рассказать, чтобы в течение месяца обдумывать сказанное. Я несколько дней думала, чем же я хочу поделиться с Ником. И перед выходом из дома я подобрала ту самую историю.

– Ник, – начала я и полезла в сумку, откуда достала старый пожелтевший листок бумаги, – во время одной из наших первых встреч я обещала рассказать тебе историю о том, как я полюбила биатлон, но забыла. Сейчас я бы хотела это сделать. Итак, я росламышлёной девочкой, и рано научилась читать. Мне было около четырёх лет. У нас в гостях были дядя с дочкой лет двенадцати. Они попросили включить биатлон, а папа тем временем пытался научить меня писать. Я знала буквы, мне надо было просто их сложить вместе и изобразить на бумаге. Я вырвала листик из блокнота, села за стол. Спросила, как называется вид спорта, который так увлечённо смотрели дядя и кузина. Я попыталась написать услышанное, но получилось не совсем то. – Я развернула клочок бумаги, на котором большими и кривыми буквами было написано слово «БАТЛМ». – Да, это и было моё первое написанное слово. Потом мне стало интересно, почему все так смеются над моими каракулями, и я попыталась выяснить, что это за «батлм» такой, и почему он нравился моим родственникам. Так я подседа на биатлон, и смотрю его вот уже больше десяти лет.

– Ты серьёзно? – Ник рассмеялся.

– Пожалуйста, не перебивай. Итак, недавно я встретила тебя. Тебя, для которого этот вид спорта значит намного больше, чем для меня. Я мне кажется это символичным – отдать первое слово первому парню. Поэтому теперь этот клочок бумаги твой, и ты можешь сделать с ним абсолютно всё.

Ник удивлённо посмотрел на меня, принял мой подарок, если так это можно было назвать, и обнял меня. На улице валил снег, ярко светило солнце. Я чувствовала себя героиней сентиментального романа. Перед моими глазами на мгновение загорелась яркая вспышка. Я была счастлива.

Домой я вернулась затемно и почти сразу легла спать, а на следующий день рано утром поехала на вокзал провожать Раевских. Мы обнялись с Ником, он с родителями зашёл в поезд, а я стояла на перроне и пыталась осознать всё, что со мной произошло за последние месяцы.

Глава 2

Пока Ник был в Германии, я проводила время с Машей Зелениной и, честно говоря, не скучала. Я была поглощена рутинной подготовкой школьного новогоднего концерта, обсуждала внеклассные встречи на каникулах. Несколько раз я получала письма от Ника и отправляла ему ответные. Он писал, что у него всё хорошо, что Саша показал ему лыжную базу. Ник с Сашей катались на горных лыжах и вместе проводили время. Ник писал, что именно во время этой поездки они с братом стали по-настоящему близки.

На новогодних каникулах мы с родителями уехали во Владимир к нашим родственникам. Я думала, что мне будет совсем не до воспоминаний о Нике, что я буду занята совсем другими делами. Но моя кузина, именно та, которая смотрела с дядей у нас дома биатлон двенадцать лет тому назад, решила сделать нам тематические каникулы. Так как она безумно любила физическую активность, темой каникул был зимний спорт, преимущественно биатлон.

Моей кузине Ане было двадцать четыре года. Она жила в Санкт-Петербурге с парнем и работала в гимназии учителем физической культуры. У Ани были русые волнистые волосы, как у меня, и голубые глаза. Она не любила платья, ей по душе были строгие костюмы и спортивная форма. На праздники Аня приезжала к своим родителям, с которыми у неё были тёплые отношения.

Анины родители, мой дядя и его жена, жили в большом трёхэтажном доме на окраине города. У них во дворе стояла баня, а рядом с участком были расположены лес и озеро. В первый же день каникул Аня раздала нам лыжи и повела в лес на прогулку.

Солнце светило ярко и ослепляло глаза. Солнечные лучи сверкали и переливались на рыхлом недавно выпавшем снегу, широким слоем лежавшем на ветках деревьев.

По протоптанной ранее лыжне Аня вывела нас к лугу. Это было большое ровное пространство, где каждый мог найти занятие по душе. Кто-то лепил большую снежную крепость, кто-то лежал в снегу и веселился. Аня хотела сделать несколько кругов по лугу на лыжах, но я её остановила. К моему стыду, я не умела кататься коньковым стилем и хотела попросить кузину научить меня.

Сначала Аня предложила мне проехать круг так, как я умею. Во время этого круга мы с сестрой разговорились.

– Софи, – Аня всегда так меня называла – у нас с ней были по-особенному тёплые отношения, – а почему ты в последнее время так заинтересовалась лыжами? Тебе же раньше были противны одни мысли о катании на них: ты только смотрела биатлон, а сама никогда не любила кататься. Что случилось?

– На самом деле, почти ничего особенного. – Мои глаза засияли ярче алмаза, а на моём лице появилась игривая улыбка. – Просто со мной в классе учится брат Раевского.

Аня была крайне удивлена. Как и меня, её удивил факт того, что мир так тесен, что эта встреча стала реальностью, а не застыла в форме мечтаний перед сном. Аня уточнила, хорошо ли мы общаемся с этим парнем.

– Да, мы хорошо поладили и начали много времени проводить вместе. Мы дополняем друг друга и составляем отличную компанию.

– Это очень круто! – Восторженно произнесла сестра. – А ты старшего видела?

– Нет, пока не успела – оба брата и их родители сейчас на отдыхе в Германии, у Александра перерыв между стартами.

– Ты уже знаешь, что его переводят в основную сборную в следующем сезоне?

– Это официально? Я была знакома только со слухами.

– Тренеры сборной на пресс-конференции после крайнего этапа объявили. Журналисты уже говорили об этом.

– Я не знала. – Слушала я. Конечно, я знала. Ник мне сообщил это в одном из последних писем. Но даже тогда для меня это была не новость, поскольку я уже услышала это по телевизору. Но я соврала сестре, чтобы её обрадовать и подчеркнуть её роль в моей жизни. – Я рада за него, он это заслужил!

Тогда мы завершали наш круг. Аня разъяснила и показала мне технику конькового хода, и я попыталась повторить. Лыжи под моими ногами расходились в разные стороны, я неровно держалась, но поехала. Через некоторое время, проехав достаточное количество кругов, я научилась уверенно кататься коньковым стилем.

Начинало темнеть. Мы с Аней поехали впереди остальных, показывая им дорогу до дома. Большой толпой мы зашли в дом Аниных родителей. Через час, когда мы все переоделись и привели себя в порядок, мы спустились на первый этаж и пили чай напротив камина.

Нас было много – двенадцать человек. И почти все из них были моими родственниками. У моих бабушки и дедушки было четыре ребёнка: три мальчика и девочка. Старший сын женился на своей подруге детства, и у них родилась дочь Аня. Это были хозяева дома, в котором мы все сейчас были. Средний сын, мой папа, женился на моей маме, и появилась я. Его младший брат рано овдовел и потом женился ещё раз. От первого брака у него было два сына пятнадцати и семнадцати лет. Папина сестра и моя тётя, младший ребёнок той семьи, приехала со своим мужем, с которым они ожидали появления на свет их ребёнка.

Мы разместились на мягких тёмно-серых пуфах, креслах и на большом диване. Кузены Валя и Егор разговаривали с моим папой о рыбалке. Мама говорила с папиной сестрой о бытовых вопросах. Мы с Аней просто сидели вместе, укутавшись в плед. Я к ней прижалась как маленькая девочка, а она меня обнимала. Мы так сидели довольно долго, пока не настало время подниматься наверх и готовиться ко сну. Нам с Аней выделили большую комнату на третьем этаже с огромной двухспальной кроватью.

Изначально третий этаж должен был быть чердаком, но позже его переделали под жилой этаж, где были расположены спальни. Из-за этого мы спали прямо под крышей. В ней было сделано окно, и мы сквозь него могли смотреть на звёзды.

В тот день гостей было немного, поэтому на третьем этаже спали только мы с Аней. В нашем полном распоряжении было четыре комнаты, кладовая и игровая. Мы сразу же легли в кровать и просто лежали вместе.

Я думала о будущем. О том, какое место в моей жизни будут занимать Ник, Аня. О том, кем я буду в будущем. Буду ли я счастлива через год? А через десять лет? Как долго я буду с Ником, и есть ли у этих отношений будущее? Будут ли у меня дети? А что будет с Аней? Как сложится её судьба? Расстанется ли она со своим парнем или выйдет за него замуж?

Мои мысли прервала Аня, которая спросила, всё ли со мной в порядке. Услышав мой утвердительный ответ, она с энтузиазмом позвала меня в игровую комнату. Я улыбнулась, скинула с себя одеяло, и мы с Аней тихо пошли в игровую. Кузина велела мне ждать её там, а сама пошла в кладовую. Аня вернулась через несколько минут со спичками, свечами и пледами.

Мы зажгли свечи, Аня придвинула стул и накинула на него плед, создав уютный шалаш. По чёрной лестнице мы спустились на кухню и сварили себе какао. Поднявшись обратно, мы забрались в самодельный шалашик, где много разговаривали и вспоминали детские годы: как мы вместе гуляли, как Аня роняла меня в снег, как я в шесть лет училась кататься на лыжах.

– Софи, – продолжала Аня, – а помнишь, как десять лет назад мы делали шалаш у тебя в квартире, смотрели мультики и ели конфеты? Может быть, через десять лет мы так же где-нибудь соберёмся, построим шалаш, у нас уже будут свои семьи. Мы повзрослеем, но останемся такими же девчонками.

В ту ночь мы так и уснули с Аней – сидя в шалашике. Мы проснулись поздно, убрались в игровой, заправили постель, переоделись и спустились вниз. Было тридцать первое декабря, вокруг шла активная подготовка к встрече Нового года. Мы с Аней ушли в лес собирать хворост. По дороге домой я почувствовала, что что-то ударило о мою спину. В меня прилетел снежок. Аня шаловливо улыбнулась, я положила хворост на снег, и кинула в сестру ответный снежок. Домой мы через полчаса вернулись промокшие, но весёлые.

Во Владимире я по-настоящему жила. Мне было весело и хорошо. Аня была моим самым близким человеком, она всегда могла меня понять. Несмотря на то, что она была старше меня на восемь лет, я не чувствовала этой разницы. Она общалась со мной уважительно и на равных. И я была уверена, что со мной Аня раскрывалась, сбрасывала все маски и становилась искренней и настоящей.

В одиннадцать вечера мы всей семьёй сели за стол, вспомнили самые запоминающиеся моменты уходящего года, послушали обращение президента и встретили Новый год. Было около двух часов ночи, когда мы с Аней и кузенами пошли гулять.

Валя был очень скрытным. Про таких как он говорили «тихоня». Он предпочитал компании одиночество. Мы решили его не трогать и сказали, что, если ему не комфортно с нами, он может погулять один. Так мы остались втроём.

- Ань, - резко и неожиданно спросил Егор, - как там твой парень, Стас, если не ошибаюсь? Почему он не поехал с тобой?

- Стас планировал приехать сюда, но в последний момент его планы поменялись. Он поехал к своим родителям в Рязань. Они долго были в ссоре, и только сейчас помирились.

- Правда? - Во взгляде Егора одновременно читались опасение, недоверие и подобие облегчения.

- Или действие? - В шутку предложила я, но, на удивление, все согласились.

За эту игру я узнала много нового о своём кузене, с которым до этого почти не общалась. Про Аню я не узнала ничего нового, но она мне стала ещё более симпатична за свою искренность и открытость.

Домой мы вернулись примерно через три часа после того, как ушли. Егор ушёл спать, а Аня нашла у себя какую-то записку и включила мне её. Это была первая юниорская биатлонная эстафета в этом сезоне.

- Смотри, - увлечённо говорила Аня, - после третьего этапа россияне шестые. А это Раевский, который буквально спасает команду. Несмотря на невысокую скорость, он показывает идеальную стрельбу и, находя возможности там, где их никто бы не нашёл, выходит вперёд. Сейчас он дойдёт до финиша и принесёт команде победу.

- Но ты уже видела эту эстафету, и знаешь, что он сможет. Но ведь можно допустить ошибку на подходе к финишу и упустить победу.

– Дойти до финиша – ответственная задача. Именно поэтому на четвёртом этапе всегда стоит Раевский. Там, где для другого финиш, для него только старт. Это по-настоящему великий человек. И я уверена, что не только в спорте, но и в жизни, он так уверенно и смело финиширует. – Аня замолчала, а потом добавила, – Я бы очень хотела когда-нибудь его увидеть и познакомиться с ним!

Мы досмотрели эстафету, выигранную сборной России, и легли в кровать, но ни одна из нас не могла уснуть. Аня то и дело спрашивала меня про Ника. Точнее, ей было интересно, что Ник рассказывал мне про своего брата.

Мы проговорили почти целое утро и в десять часов спустились в гостиную на первый этаж. Мы доели то, что осталось с вечера, а потом Аня предложила всем вместе пойти на каток.

Катком служило большое замёрзшее озеро. От взгляда на него захватывало дух – таким величественным был водоём. На рядом стоящей лавочке мы по очереди переобулись и вышли на лёд.

Невольно я вспомнила ситуацию, произошедшую на этом же месте много лет назад. Мне было восемь лет. Как и сейчас, мы приехали во Владимир на новогодние каникулы. Я тогда не умела кататься на коньках, и Аня повела меня на каток. Она зашнуровала мне коньки и вывела меня на лёд. Та зима выдалась тёплой, поэтому лёд был тонким и непрочным. Я только научилась стоять на льду и медленно передвигаться, когда я услышала треск вдалеке, и Аня взяла меня за руку и сильно потянула меня в сторону берега. Я заплакала: не от боли, от обиды. Я думала, что Аня специально хочет меня разозлить, что я надоела ей. Я на эмоциях сказала Ане, что ненавижу её, а потом долго извинялась перед ней.

С Аней и Егором мы весело проводили время на катке. Валя катался со своим отцом и его братьями. Тётя и моя мама сидели на скамейке и увлечённо о чём-то говорили. Нам всем было хорошо.

Так мы провели во Владимире всю неделю, но потом маме надо было выходить на работу, и мы уехали. В последнюю ночь мы пошли гулять с Аней и Егором и снова много разговаривали. Перед отъездом Аня попросила меня подождать её возле кладовой, а сама спряталась в куче ненужных вещей. Она вышла, держа что-то за спиной.

– Софи, помнишь наш разговор в новогоднюю ночь? – Я кивнула, а Аня достала из-за спины клетчатый чёрно-белый флаг. – Самое главное – дойти до финиша. Я не знаю, как сложится твоя жизнь в дальнейшем, но я желаю тебе добра. Пусть этот флаг напоминает тебе, что где-то между Петербургом и Владимиром у тебя есть кузина Аня, которая тебя очень любит и гордится тобой. Ты умница!

Я взяла Анин подарок и обняла её. Через несколько минут мы уехали.

В Москве я встретила с Машей Зелениной, мы несколько раз гуляли. Маша на каникулах сидела дома с младшими сёстрами. Сначала я подумала, что Маше было скучно и одиноко, но потом осознала, что ей было с ними интересно. У неё с сёстрами отношения такие же тёплые, как у меня с Аней и с недавних пор с Егором.

Я получила ещё одно письмо от Ника. Он писал, что скоро он должен был вернуться домой, и с нетерпением ждал нашей встречи, но не уточнил число, сказав, что вернётся около пятнадцатого января. Я написала Нику ответ, и была поглощена мыслями о нашей скорой встрече. Тогда я поняла, что мне нужен подарок для Ника на Новый год.

Я взяла деньги из подаренных родителями, вышла из дома и пошла в торговый центр. От обилия магазинов у меня забегали глаза. Я не представляла, что я могла бы купить для Ника. Я бы хотела подарить ему что-то душевное, но в то же время нужное. Возможно, что-то понятное только нам двоим.

Я заходила во множество магазинов, но мне ничего не нравилось. В одном из магазинов одежды я нашла симпатичные кошелёк и кепку. Я подумала, что это и красивые, и практичные вещи. Перед покупкой я зашла в кафе, перекусила и подумала об иных вариантах подарка для Ника. Потом я нашла книжный магазин и зашла в него. Я остановилась в отделе современной литературы и искала интересные произведения, которые хотела бы прочитать. Мой взгляд остановился на подарочном издании той книги, которую месяц назад я брала в библиотеке. Книга мне запала в душу, и я Нику даже неоднократно писала про неё. Подписанная новогодняя открытка и книга, с которой у нас связаны тёплые воспоминания, составили отличный подарок.

Я купила эту книгу, потом зашла за тетрадями и ручками для себя и пошла домой. Следующий день был учебным, поэтому я приготовила одежду, сложила

сумку и пошла спать.

По дороге в школу я встретила Машу. Мы поговорили о прошедших каникулах и зашли в кабинет географии. Я рассказала Маше про подарок, который я приготовила для Ника, и она попросила меня принести его в школу и показать ей на следующий день. Вечером я подписала открытку, вложила её в книгу, а на следующий день принесла в школу. Я была очень удивлена, увидев в кабинете Ника, сидящего за партой.

Глава 3

В своём письме Ник указал, что вернётся около пятнадцатого января, но я его не ожидала в этот день, ведь было только четырнадцатое число. Несмотря на это, я была рада вновь увидеть Раевского. Он начал рассказывать мне про Германию и достал какой-то свёрток, который протянул мне. Я развернула его и достала небольшой брелок, сделанный в форме биатлонной винтовки. Сбоку красовался флаг Германии. Ник сказал, что купил этот брелок в Дрездене, его любимом городе. Меня очень тронул этот поступок, его забота о моих интересах.

Настала моя очередь дарить подарок. Я достала из сумки книгу и отдала её Нику.

– Ник, – начала я, – я выбрала эту книгу не случайно. В тот декабрьский день, когда мы ходили в библиотеку, я взяла её и именно в этой книге я прочитала фразу: «Твоя судьба в твоих руках». Ник, мы сами творим свою судьбу! Не в этом ли смысл существования?

– Софа, спасибо большое, это очень мило! Но откуда ты узнала, что у меня сегодня день рождения?

Сказать, что я была смущена – не сказать ничего. Я не знала про праздник Ника и удивилась, как же мне повезло.

– Соф, – продолжил Ник, – я бы хотел пригласить тебя ко мне домой на ужин сегодня в шесть. Там будут мои родители, возможно, приедет и Саша. Я очень хочу, чтобы ты тоже была там.

Я не могла и не хотела отказать Нику, поэтому с радостью приняла его приглашение. Я уточнила адрес и по окончании уроков пошла домой. У меня было два с половиной часа, чтобы подготовиться. Я предупредила родителей и пошла собираться.

Я завила кудри, надела простое чёрное платье, накрашила глаза и в половину шестого вышла из дома. Раевские жили в десяти минутах ходьбы от моего дома, но я решила выйти пораньше. Я неспеша пошла через парк, несколько раз обошла вокруг назначенного дома и без трёх минут шесть зашла в подъезд. Вслед за мной вошёл молодой человек в строгом костюме с большим пакетом.

- Софья, верно? - Спросил незнакомец.

- Александр? - Смущённо уточнила я, хотя и без того знала, что это он.

Молодой человек кивнул и приятно улыбнулся. Это был Раевский. Он открыл мне дверь, показал, куда идти, и мы вошли в квартиру Раевских.

Меня встретил Ник, сзади стояли его родители. Его мама была худой брюнеткой в длинном платье нежно-розового цвета. Отец был выше и крупнее, он надел рубашку и штаны. Я посмотрела на Ника, потом на его родителей - Ник был очень похож на своего отца.

Мы сели за большой стол в гостиной, на котором были праздничные блюда. Первое время мне было неловко, но родители Ника поддерживали беседу, придавали живости разговору. Они мне понравились - Раевские были приятными людьми.

Я сидела между Ником и Сашей. Несмотря на то, что Саша был старше нас почти на пять лет, с ним было комфортно. Я не чувствовала пропасти между нами, что удивительно, ведь он звезда мирового уровня! Мы долго говорили с Сашей, когда вышли из-за стола и пошли в спальню Ника. Я ему рассказала про Аню и новогоднюю ночь. Потом я попросила рассказать парней про Германию.

- Знаешь, Софи, - меня удивило, что и Саша стал так меня называть, - в Германии прекрасны не столько сами места, сколько люди, живущие там. Там свой менталитет, свои обычаи, своя атмосфера. Но, в целом, территория как территория. Повторюсь, главное - люди.

– Ты не прав. – Возразил Ник. – Территория Германии тоже достойна внимания. Во-первых, это строгая архитектура Берлина и других городов. Во-вторых, это бескрайние поля пшеницы. Германия – не только люди, но и прекрасные виды. Лучше один раз побывать в Германии, чем десять раз услышать про неё.

Саша решил не спорить и согласился с суждением брата. Как мне потом объяснил Ник, у них с братом часто бывали такие перепалки, но парни всегда находили компромисс. В такие моменты я мечтала о старшем брате, но я была в семье единственным ребёнком.

Мы сидели до вечера. Когда я начала собираться домой, на улице было уже темно, поэтому Саша и Ник решили проводить меня до дома. Мы в полном молчании дошли до моего подъезда, я попрощалась с Раевскими, вошла в подъезд, и пока дверь не закрылась, услышала, как Саша сказал Нику: «Береги её, она сокровище!»

На следующий день в школе Ник шепнул мне: «Ты им понравилась» и улыбнулся будто бы не своей улыбкой. Я не поняла причину этого, но не обратила должного внимания. Весь день Ник проходил угрюмый и обиженный. По дороге домой я решила спросить, что случилось.

– У тебя что-то случилось? Почему ты ходишь мрачнее тучи?

– Ты это у меня спрашиваешь? – Голос Ника постепенно превращался в крик, мне стало неудобно. – По-твоему, это я вчера заигрывал с моим братом?

– Заигрывала? Ты о чём? Я знакомилась с твоей семьёй!

– Конечно! – Ник меня не слушал, пытаюсь донести свою мысль и поделиться тем, что его раздражает. – Кому нужен какой-то там Ник, когда есть Алесандр. Зачем тебе брат-неудачник, если есть звезда?!

Ник хотел оставить меня и уйти, но остановился. Он подошёл ко мне, взял мою руку в свои и сел рядом со мной на скамейку. Мы несколько минут просто сидели молча.

– Прости меня, – тихо сказал Ник, – такое иногда бывает.

Так прошла наша первая ссора. Потом мы спокойно пошли по домам. Мы нашли компромисс. Это была маленькая победа.

Весь следующий месяц всё было хорошо. Мы с Ником регулярно виделись и часто гуляли. На следующих выходных к нам приехала Аня. Она уезжала обратно в Петербург и заехала с нами попрощаться. Я позвала Ника домой и познакомила его с Аней. Сестра предложила посмотреть юниорскую эстафету, которая как раз проходила в это время. Мы включили на начале четвёртого этапа – этапа Раевского. Он принял эстафету, когда сборная шла уверенно на первом месте. Первая стрельба. Два промаха. Третья позиция. Вторая стрельба – чисто. Вторая позиция. Саша пытался догнать норвежца и обошёл его уже на финишной прямой. Это победа.

– Он дошёл до финиша. У него получилось. – Задумчиво сказала я.

– Соф, ты о чём? – Удивлённо спросил Ник. Мы с Аней посмотрели друг на друга и улыбнулись.

Аня попрощалась с нами и уехала.

– Надо бы её с Сашей познакомить, она ему понравится, да и он ей тоже симпатичен. – Задумчиво произнёс Ник.

Через месяц, четырнадцатого февраля, мне исполнилось семнадцать лет. Я хотела пойти с Ником в кафе, но мои родители настояли, чтобы мы праздновали дома, куда мы и пошли после занятий в школе.

Как только мы зашли в мою комнату, Ник начал что-то искать в своей сумке. Через несколько секунд он достал килограмм немецкого мармелада. К упаковке был приклеен потёртый и мятый клочок бумаги. Я развернула его и замерла на месте. Это был тот самый лист из блокнота, который я дала Нику несколько недель назад перед его отъездом в Германию, но на нём было что-то ещё. Я присмотрелась: рядом с выведенным мной словом красовалась надпись «Софье Громовой – от Раевских» и подписи обоих братьев.

Я повесила листок над кроватью, убрала мармелад, и мы с Ником вышли на кухню есть торт. За столом были родители, которые долго суетились, будто

пытаюсь что-то рассказать.

- Соня, - наконец начала мама, - у нас для тебя отличная новость. Стас сделал Ане предложение! Это было ещё неделю назад, но Аня просила рассказать тебе именно сегодня. Они женятся в марте. Сейчас Аня устроилась на подработку, чтобы летом они могли поехать в свадебное путешествие. Сейчас Аня помимо уроков ведёт различные дополнительные занятия для детей по вечерам.

Я выразила свою искреннюю радость. У меня внутри стало очень тепло.

- Помнишь, мы на выходных собирались во Владимир праздновать твой день рождения? - Продолжала мама. - Мы поедем пораньше - в пятницу, потому что появился ещё один повод. Аня со Стасом тоже приедут, хоть и не собирались.

- Да. Я думаю, им до финиша далеко. - Сказала я, смотря в окно. - Это только старт.

Ник вопросительно на меня взглянул, я его позвала в комнату, где объяснила Раевскому значение этих слов и рассказала о нашем с Аней разговоре.

На следующий день я проснулась беспокойной. Я собралась в школу. Ника там не было. Начался урок, я начала волноваться. Ник не предупреждал о своём отсутствии, как делал всегда до этого. Примерно в середине первого урока раздался стук в закрытую дверь кабинета, и в класс вошёл Ник. Он подсел ко мне с обеспокоенным видом и спросил:

- Ты слышала про трагедию в Петербурге? Ужасно! Я пару лет проучился в той гимназии. Один мой знакомый даже ранение получил. - Увидев мой непонимающий взгляд, Ник решил мне рассказать о произошедшем. - Восьмиклассник в состоянии наркотического опьянения решил отомстить учителям за неудовлетворительные отметки, забросав окна школы камнями и выбив стёкла. Он разбил окно спортивного зала, осколками ранило несколько учеников. Учительница сразу бросилась помогать пострадавшим, но в этот момент подросток бросил в стекло ещё один камень. Осколки попали учительнице в голову, её не спасли.

Первым делом я спросила имя этой учительницы. Услышав тот ответ, которого я судорожно опасалась, я не поверила. Несколько раз я уточнила, не ошибся ли

Ник в имени, не перепутал ли что-то.

– Нет, Соф, я уверен. Её звали Громова Анна Сергеевна, а гимназия находится в Петроградском районе. И её не спасли. К сожалению.

Перед моими глазами появилась пелена. Я не помнила, как ноги вынесли меня из кабинета, как Екатерина Сергеевна на меня кричала и требовала вернуться на место. Не помнила, как Ник выбежал за мной, как я плакала в туалете и сквозь слёзы просила оставить меня одну.

Через полчаса я более-менее успокоилась и вернулась в кабинет. За срыв урока меня отправили к Сергею Александровичу. Классный руководитель выслушал мою историю и отпустил меня домой.

В подъезде я взглянула на себя в зеркало. Моё лицо было мокрое, опухшее и красное. Я была сама на себя не похожа. Я зашла домой и полушёпотом спросила у мамы: «Это правда?». Мама кивнула. Её глаза тоже были влажные и красные.

Я заперлась в своей комнате, обняла игрушку, которую мне в шесть лет подарила Аня и не выходила из комнаты несколько часов, просидев всё это время в одном положении. Я много думала: о том, что мы провели много времени вместе и были близки. О том, что я её любила. О том, что она хотела познакомиться с Раевским, но этому не бывать. Мне стало больно, так как я поняла, какой ужас переживают её родители. Если мне было так плохо, то каково было им?

Я достала свой дневник, который почти не вела. Я записывала туда только самые сильные эмоциональные потрясения, которые оказали на меня влияние. За последние месяцы я описала там только ссору с Ником и разговор с Аней в новогоднюю ночь.

Я взяла ручку и стала писать:

«Самые лучшие люди уходят рано. Сегодня был черёд моей сестры. Значит, она выполнила всё, что ей было предназначено. Хотя у неё были грандиозные планы. Я верю, что ей сейчас хорошо, где бы она не была.

Аня дошла до финиша. Но там, где её финиш – мой старт. Я буду жить ради Ани. Это ужасная потеря. Аня всегда будет жить в моём сердце!

Аня бы не хотела, чтобы мы прекращали жить. И ради неё я постараюсь вести по-настоящему яркую жизнь. Я выполню всё, что начала и не успела начать Аня. Я её не подведу. Где бы она сейчас не была, она ещё будет гордиться мной, обещаю!

Аня, я всегда любила и буду любить тебя! Твоя Софи, которая никогда тебя не забудет».

В голове крутилось много мыслей, но я не могла их сформулировать и выразить на бумаге. Было невыносимо тяжело. Это как с душой расстаться – начать жить без неё.

Я дописала и вышла на кухню. Там были родители. Они сказали, что в пятницу мы несмотря ни на что едем во Владимир.

Я не могла ходить в школу. Буквально через каждые десять минут я начинала плакать, потому что всё в доме напоминало об Ане. Но я не могла убрать эти вещи, спрятать их. Они были пропитаны жизнью, любовью. Наоборот, я даже переставила на рабочий стол с верхней полки небольшой клетчатый флаг, который мне отдала Аня.

Один раз ко мне зашёл Ник. Компания Ника меня успокаивала, его присутствие оказывало своеобразную поддержку. Мы почти не говорили, просто сидели в моей комнате. Ник сказал, что Саша тоже хотел бы приехать, но у него не получилось. Он передавал соболезнования.

Как мы и планировали, в пятницу мы поехали во Владимир. Но повод был совершенно иной. Праздновать никто ничего не собирался.

Глава 4

Мы приехали поздно вечером и, почти ни с кем не встречаясь, ушли спать. Мне выделили спальню на третьем этаже. В соседней комнате был Егор. Той ночью ни я, ни он не могли уснуть.

Когда во всём доме выключился свет, мы встретились в коридоре и пошли в игровую. Нам было не о чем говорить, и мы оба были не в силах. Аня для обоих нас была больше, чем просто кухня. Поэтому мы молчали. Первым заговорил Егор, задав неловкий вопрос.

– Как узнала?

– Ник сказал. А ты?

– В новостях увидел.

– Ты тоже сначала не верил, что это наша Аня?

Мы так сидели довольно долго. Потом Егор пошёл в сторону кладовой – я за ним. Не сговариваясь, мы достали стул и плед и соорудили шалаш. Мы забрались внутрь и молча сидели. Наверное, со стороны это смотрелось весело: два высоких семнадцатилетних подростка пытались поместиться в крохотном шалашике. Но нам с Егором было совсем не до веселья.

Мы довольно долго просидели в шалаше, потом я вышла и пошла на балкон. Солнце только начинало вставать из-за горизонта. Егор вышел вслед за мной. Это был рассвет нашей новой жизни – жизни без Ани.

Как мы позже осознали, именно в ту ночь мы сблизились с Егором. Мы не заменили друг другу Аню, но мы максимально восполнили потерю, залатали образовавшиеся дыры. Говорят, что неприятности и общие проблемы сближают. В нашем случае это сработало.

Рано утром, когда в доме спали все, кроме нас с Егором, приехал Стас. Мы увидели его с балкона и показали ему, чтобы он нас ждал там, где находился в тот момент. Мы с Егором надели тёплые куртки и шапки поверх пижам и вышли на улицу, подошли к Стасу и поздоровались с ним. Он достал из сумки конверт и протянул его мне.

– Это тебе от неё. С прошедшим, Софи! Это будет через две недели. Надеюсь, ты справишься и пойдёшь. Но я понимаю, если откажешься.

Я вскрыла конверт. Внутри лежало два билета на этап Кубка мира по биатлону в Ханты-Мансийске. В любой момент я была бы рада этому подарку, но только не тогда.

– Спасибо, – сказала я Стасу и грустно улыбнулась, – я обязательно буду. Я поеду.

Мы завели Стаса в дом. Вскоре все проснулись. Мы позавтракали и начали собираться. Через час были похороны.

Когда шёл весь процесс, мне стало нехорошо. Я отошла в сторону. Недалеко от меня был Стас. Он безуспешно пытался сдержать слёзы. Я подошла к нему и положила руку на плечо.

– Я не могу её такой видеть. Ещё несколько дней назад передо мной стояла Аня и улыбалась мне! А теперь её нет, память о ней осталась только на фотоснимках. – Говорил Стас.

– Нет, память о ней хранится у нас внутри. И она жива, она здесь с нами, пока мы в сердцах храним воспоминания о ней. – Я пыталась поддержать Стаса. Я знала, что ему надо заводить семью, жениться и жить дальше. Сам бы он этого не сделал. Ему бы было совестно перед Аней. Он бы думал, что оскверняет её память. Я попыталась поговорить со Стасом. – Стас, тебе двадцать четыре. У тебя впереди почти вся жизнь. Надо идти вперёд, а не жить прошлым. Аня была бы за тебя счастлива. – Стас попытался возразить, но я не позволила. – Не сейчас. Дай ране время зажить. Но ты должен жить дальше. Не замыкайся в себе, иногда навещай её родных – ты стал всем нам хорошим другом. Но ты должен быть счастлив. Стас, обязательно женись!

Я оставила Стаса наедине с его мыслями. Вскоре мы уехали.

Следующие две недели прошли как в тумане. Я хотела предложить Нику полететь со мной в Ханты-Мансийск, но поняла, что правильнее было попросить папу составить мне компанию. К тому же, я не была уверена, что сама справлюсь с документами, не потеряю билеты и смогу прожить почти неделю в чужом городе без взрослых.

Каждое воскресенье я стала писать письма, адресованные Ане. Но больше всего они помогали именно мне. Я в письмах рассказывала о событиях, произошедших со мной за прошедшую неделю, как будто вела живую беседу с сестрой. Я задавала вопросы и старалась подробно описать все события. Так выглядело первое письмо, написанное для меня из будущего и для Ани:

«Добрый воскресный вечер!

Если честно, я считаю разрушительной идею писать тебе письма по воскресный вечерам. Ведь именно в это время проходит мужская эстафета – тот старт, который ассоциируется только с тобой. Помнишь, как мы болели за Раевского во время его первого старта в юниорской сборной? А как ты забавлялась над тем, что мне нравился Эйлор?

Пока что я не представляю жизни без тебя. Даже если через время всё наладится, боль не пройдёт. Со временем боль не проходит, ты просто учишься с ней жить. Боль остынет, но она всегда будет со мной. Как и ты, Ань. Мне тебя не хватает.

Я думаю, тебе было бы интересно узнать, что мы делали на этой неделе.

Во-первых, я думала, с кем мне поехать на биатлон. Кстати, спасибо тебе за подарок! Я очень тебе благодарна! Сначала я хотела позвать Ника Раевского. Всё-таки для него нечто особенное. Но он отказался и предложил позвать моего папу. И это решение было самым правильным.

Во-вторых, мы с мамой ходили по магазинам и выбирали тёплые вещи, так как в Ханты-Мансийске сейчас очень холодно. Наверное, это было странно, учитывая, что сейчас конец февраля – зима ведь заканчивается. Не знаю. И, если честно, не хочу знать.

В-третьих, я начала ходить в школу. Спасибо Сергею Александровичу, он помог мне заново адаптироваться и создать для меня безопасную среду. Он договорился, и первое время, то есть, до возвращения из Ханты-Мансийска, меня не будут сильно нагружать.

Ещё я бы хотела сказать пару слов про Стаса. Я очень за него переживаю. Я надеюсь, что он будет счастлив. Да, жениться через месяц было бы очень

странно, но он этого делать и не станет. Он всегда тебя любил, он достоин счастья! Я бы хотела, чтобы у него всё получилось.

На этом я заканчиваю своё письмо. Как бы сейчас не было тяжело, я почти уверена, что скоро всё наладится. Нас всех эта трагедия изменила, но мы научимся жить с нашими новыми «я» и станем счастливыми.

Люблю,

Твоя Софи».

Утром во вторник мы с папой на такси поехали в аэропорт. Пройдя все необходимые процедуры, мы заняли наши места в самолёте и примерно через полчаса вылетели в Ханты-Мансийск. Во время полёта я читала книгу, написанную около ста пятидесяти лет назад. События в книге были развёрнуты вокруг истории одной семьи, в которой все дети были дружны между собой. Меня зацепила сюжетная линия с описанием тёплой любви двух сестёр, которые много ссорились и были импульсивны, но были готовы заступиться друг за друга в любой ситуации. Эти сёстры напоминали мне нас с Аней.

Аня взяла нам билеты сразу с проживанием, поэтому нам было, где остановиться. Мы добрались до отеля на такси. Поездка длилась не больше двадцати минут, но папа успел расспросить водителя об активностях в городе, о биатлоне и об отношении водителя к последним социальным реформам. Мы приехали и заселились, разобрали вещи и пошли ужинать. Вечером мы дошли до лыжного стадиона и посмотрели на него, а потом вернулись в номер и легли спать. В среду днём были первые две гонки – мужской и женский спринт. Мы оба были более заинтересованы в мужском биатлоне, поэтому обрадовались и оживились во второй половине дня, когда стартовала мужская гонка.

С наших мест, как и отовсюду, не было видно трассы целиком. Но мы видели огневые рубежи, и у нас был довольно широкий обзор. Меня очень оживила биатлонная атмосфера, я была очень счастлива. Папа был более прагматичен – он сильнее всего любил эстафеты, поэтому не был так же впечатлён, как я.

В мужском спринте один из моих любимых спортсменов, немец Чарли Эйлор, пришёл к финишу третьим. Это был второй сезон Эйлора в основном составе. В пятнадцать лет я была безнадежно влюблена в Чарли – молодого и

перспективного, красивого и остроумного иностранца. Правда, тогда я думала, что он швейцарец и была сконфужена, узнав правду, потому что почти год жила в заблуждении. За что мне нравился этот Эйлор? Как и Раевский, он извлекал уроки из ошибок и трудностей, преодолевал все преграды. Он был примером настоящего человека.

В девятом классе нам в школе задали привести пример людей, которым мы бы хотели подражать. Я привела в пример именно Чарли Эйлора. Правда, скоро мои чувства растворились в рутине, и я стала забывать спортсмена. Для меня он был мимолётным увлечением. Хотя это увлечение оставило на моём сердце глубокий шрам.

Я несколько месяцев ходила подавленной, поскольку осознавала, что мне никогда не заговорить с этим человеком, что я его недостойна. Я как ненормальная интересовалась жизнью и деятельностью Чарли Эйлора, я была от него зависима. И я была очень горда собой, когда смогла вылезти из ямы, которую сама себе и вырыла. Этот период был для меня тяжёлым, и я постаралась извлечь из него максимальное количество уроков, чтобы подобное со мной больше не повторялось.

Итак, Эйлор финишировал третьим. Я была рада по-детски, потому что тёплые чувства к нему или к его образу у меня остались. Он по-прежнему был моим кумиром. На тот момент к нему, как и к Раевскому-старшему, я испытывала только спортивный интерес и некоторую симпатию. Он был мне приятен, несмотря на то что, в отличие от Раевского, лично его я не знала. Но я составляла в своей голове образ немца, исходя из интервью с ним, и этот образ был мне приятен.

Вечером мы с папой поужинали в кафе, обсуждая прошедшие старты. Ему тоже понравилось выступление Эйлора, хоть он и ожидал большего. Папа видел Чарли Эйлора лидером чемпионата.

Так прошло несколько дней и несколько гонок: индивидуальные, гонки преследования, женские масс-старт и эстафета. С наибольшим удовольствием субботним вечером мы пошли смотреть мужской масс-старт. Первым финишировал Чарли Эйлор, допустивший один промах. Как я и говорила: у него бывают ошибки, но он исправляет их и извлекает уроки. С чистой стрельбой вторым финишировал норвежец Яков Норманн. Тройку лидеров замкнул россиянин Евгений Захаров.

В воскресенье была гонка, которую мы с папой ждали больше всего, – эстафета. Мы к ней подготовились: достали из чемодана большой российский флаг, нарисовали на щеках триколоры. Мы заняли наше место напротив стрельбища. На подходе к первой стрельбе лидирующую группу составляли Норвегия, Германия и Россия. Мы не были удивлены, так как именно у этих стран были самые сильные мужские составы на тот момент. Атлеты шли примерно вровень, периодически разменивая позиции, первые три этапа.

С отставанием друг от друга менее трёх секунд, лидеры гонки передали эстафету. Начался четвёртый этап. Гонку замыкали самые сильные спортсмены сезона: Эйлор, Норманн и Захаров. На первом огневом рубеже мы стояли, затаив дыхание. Все трое отстрелялись чисто. Вровень они подошли и ко второй стрельбе. Нас охватил азарт, в крови выделялся адреналин! Мы не успели опомниться, как наши голоса слились с десятками, сотнями других в громком и пронзительном крике: «Женя! Женя!»

Немец чисто отстрелялся и уехал, у россиянина и норвежца было по одному промаху. Норманн использовал дополнительный патрон и покинул рубеж чуть раньше Захарова. Мы болели за нашего соотечественника и громко поддерживали его. К нашему сожалению, ему на финише совсем немного не хватило до Норманна. На финишной прямой они шли почти вровень, но на несколько десятых секунды норвежец опередил Евгения. Сборная России финишировала третьей.

Как сказал один спортсмен своим недовольным болельщикам: «Лучше получить третье место, чем никакое». И я была согласна с этими словами. Несмотря на то, что многие люди на трибунах были расстроены, они излучали позитив и видели хорошее во всём. Они не осуждали никого, они приняли этот результат и стали надеяться на дальнейшую борьбу. Я была уверена, что и у спортсменов был подобный настрой.

Поздно вечером мы с папой отправились в аэропорт. Мы улетели в Москву ночным рейсом, и в понедельник утром прибыли домой. Так закончилось путешествие, которое отчётливо сохранилось у меня в памяти на долгие годы. Позже, когда первое впечатление об этой поездке прошло, и я вернулась к обычной жизни, я отчаянно пыталась сберечь наибольшее количество вещей, связанных с этой поездкой: книгу, украшения, шапку и многое другое.

Глава 5

Следующие полтора года пролетели как одна неделя, причём счастливая. Я окончила школу, по-прежнему была с Ником, писала письма Ане, общалась с Сашей и иногда с родителями мальчиков. Летом по окончании десятого класса меня даже пригласили на месяц в загородный дом Раевских. Это был один из лучших месяцев в моей жизни! Я по-прежнему увлекалась биатлоном и с удовольствием его смотрела.

Саша уже год провёл в основном составе. По итогу сезона его признали самым лучшим дебютантом, чем очень гордились Ник и Ольга Павловна, мама Раевских. Сам же Александр был недоволен результатом. В личном зачёте он был седьмым, что не устраивало молодого человека. Также для участия в Чемпионате мира его посчитали слишком неопытным, поэтому не дали ему возможность. Мы с Ником негодовали, когда узнали это.

В одиннадцатом классе я долго выбирала свою будущую профессию. У меня было одно условие: эта профессия обязательно должна быть связана с биатлоном. И решение неожиданно пришло само. Однажды я не успела посмотреть спринт, поэтому читала о ходе гонки и её итогах в спортивном издании. К сожалению, обозреватель был очень субъективен и проявлял открытое неуважение к некоторым атлетам. В их числе были Эйлор и Раевский. Он писал следующее: «Удивительно, но они вышли на старт и не сочли эту гонку неважной. На последнем этапе оба заняли все возможные места. Дали бы другим биатлонистам шанс проявить себя!», «Наконец-то Эйлор допустил промах, не видать ему победы. Но вот, к сожалению, Раевский на всех рубежах был чист и заполучил очередную медаль». Меня это возмутило, поскольку это были мои любимые биатлонисты. Мне показалось, что тот журналист поступил непрофессионально. Тогда я решила стать спортивным журналистом, биатлонным обозревателем. Потому что я хотела доносить до людей правду.

В конце одиннадцатого класса я успешно сдала экзамены и без особых трудностей поступила на факультет журналистики престижного московского университета. Ник поступил в тот же вуз, но на юридический факультет. Так как мы жили далеко от университета, мы вместе сняли квартиру недалеко от университета. Так в восемнадцать лет мы начали жить вместе.

По окончании второго курса университета я устроилась на стажировку в спортивное издание. Мне доверили писать колонку о новостях в мире биатлона.

Мне платили довольно-таки много для обычной студентки. Поэтому я жила хорошо и ни в чём не нуждалась. Ник тоже устроился в юридическую контору помощником адвоката.

Когда у Саши был перерыв между сезонами, и он приехал к родителям на неделю в гости, я позвала его в кафе. Я заказала чай, Раевский взял воду.

Я попросила у Саши дать мне интервью, поскольку для меня это было важно

– Софи, ну надо было раньше предупреждать! – С ухмылкой на лице ответил Саша. – Я бы надел костюм!

Я сфотографировала Александра, потом к нему подошла молодая девушка и попросила автограф. Саша расписался на протянутом ему листе бумаги, девушка отошла, села за столик и исподтишка наблюдала за нами следующие минут пятнадцать.

– Итак, начнём? – Спросил Раевский.

– Да, пожалуй. Только не называй меня Софи. – Саша кивнул, и я дала старт своему первому большому и серьёзному интервью. – Добрый день, Александр! Расскажите, пожалуйста, как вы пришли в большой спорт?

– Здравствуйте. На самом деле, это самая банальная история. Я захотел научиться кататься на лыжах, и мама отдала меня на биатлонную секцию. Так я вошёл во вкус и через несколько лет уже не мог представить свою жизнь без спорта!

– Здорово! Несколько лет назад у вас были проблемы с тренерским составом. Как вы их решили и из-за чего они были?

– В том сезоне я сменил трёх тренеров, и до сих пор работаю с последним из них – с четвёртым. Мой наставник, который поставил меня на лыжи, и с которым я до этого работал большую часть своей карьеры, ушёл на пенсию. Со следующим мы не сработались, потому что мне не нравился его подход к тренировочному процессу. Для меня важно хоть иногда видеться с семьёй, что под его руководством было просто невозможно. Далее я ушёл к прекрасной женщине,

отработал с ней два месяца, но потом ей сделали более выгодное предложение в другой стране, и мы прекратили совместную работу. В конце концов, я перешёл к тому тренеру, с которым занимаюсь уже несколько лет. Мы с ним работали некоторое время в мои подростковые годы, и я принял решение вернуться к нему – теперь я базируюсь в Германии.

– Где вам больше нравится атмосфера: в юниорской сборной или же в основном составе?

– Конечно, присутствие во «взрослой» команде намного престижнее. Тут больше азарта, потому что мы все примерно одного уровня. Но в юниорской сборной мне больше нравилась атмосфера. Там царила доброжелательность, поддержка и взаимовыручка.

– А в основном составе?

– Я сейчас говорю далеко не про все ситуации, но здесь зачастую всё решают не спортсмены на трассе, а их штабы. Здесь не столько спорт, сколько политика.

– У вас высокий процент попадания на стрельбе. Расскажите, в чём ваш секрет. – Я перевела тему разговора.

– Я стараюсь максимально расслабиться, но при этом оставаться сконцентрированным.

– Каким образом?

– В подростковом возрасте я проговаривал стихотворения, которые учил в школе. Потом это была любимая песня. Сейчас я в своей голове проговариваю стихотворение, которое написала одна девушка. К сожалению, я с ней не знаком, но это не мешает мне восхищаться её творчеством. Хотите прочитаю его?

– Конечно!

– Оно называется «Мечтать не вредно».

"Мечтать не вредно" – говорили вы мне.

Говорили беспечно, не зная,

Что напрасные мечтания очень вредны,

Своими словами лишь боль причиняя.

Вы готовы ответить за все те страдания,

Которые за собой принесли надежды, мечты?

Нет! Нет вам прощенья, нет вам признанья.

Представьте, если эту же боль испытали бы вы!

?

Вы бы плакали и горевали,

Вам стал бы противен тот, кто был мил.

За что? За то, что Мечту испытали.

Вы остались одни. Одиноки. Без сил.

?

Но нет, вы мечту не предали!

И что? Она до счастья вас довела?

Ах, нет? Выходит, вы напрасно мечтали,

А я снова оказалась права...

?

Выходит, мечта может вам навредить.

Любая: робкая, чистая, страстная.

Значит, надо от мечтаний людей оградить!

Тогда будет жизнь скучная, но безопасная.

Когда Саша закончил, я не могла сказать ни слова. Это стихотворение написала Аня, моя сестра. Та самая Аня. Такая родная. Я понятия не имела, как Саша познакомился с ним. Тогда же я вспомнила историю из моей жизни, связанную с этим стихотворением. Мне было восемь лет, а Ане – шестнадцать. У неё были проблемы в отношениях с родителями и сверстниками, и Аня абстрагировалась от общества, осталась одинока. В порыве отчаяния она выплеснула эмоции на бумагу. Это было её первое и единственное стихотворение. Я его случайно нашла у кузины в столе, прочитала несколько раз и запомнила, хотя не понимала ни слова. Через несколько дней я пришла в школу и с радостной интонацией прочитала это стихотворение учительнице. Она была шокирована и пригласила моих родителей в школу с целью поговорить о моём воспитании.

Когда я более-менее пришла в себя, я похвалила стихотворение и задала ещё несколько общих вопросов про жизнь и карьеру Александра. Вскоре мы закончили.

– Откуда у тебя это стихотворение? – Я спросила взволнованным голосом и сделала глоток чая.

– Ты тоже его слышала? Как оно тебе?

– Да, я его тоже знаю наизусть. Ответь, пожалуйста, мне на мой вопрос, Саш, для меня это важно.

– Года три назад, когда я приехал домой, у Ника на столе лежал лист бумаги, на котором было написано это стихотворение. Дома никого не было, и мне стало скучно. Я прочитал это стихотворение и вскоре начал его учить. Почему-то мне легко запомнилось. Там ещё лист такой был странный. Текст был выведен красивым, но неаккуратным почерком. Красные чернила были размазаны в некоторых местах, как будто на бумагу пролили воду или...

– Или слёзы. – Резко одёрнула я.

– Что? Не знаю, может и слёзы.

– Саш, это были мои слёзы. И мой почерк. Это я дала Нику тот лист.

- Выходит, это ты написала?

- Нет, не я. Аня. Я похожим образом выучила этот стих в восемь лет. А когда Ани не стало, её родители отдали мне её тетради и дневники. И среди них я нашла карандашный черновик, набросок. Именно тот, с которого я учила. Чтобы хоть как-то отвлечься, я решила переписать этот стих. Но в тот день зашёл Ник, и я отдала ему. А потом увидел ты.

- Я не знал. Она была такая талантливая! Жалко, конечно, что я не смог с ней познакомиться. Мы бы могли хорошо общаться.

- Ты в субботу свободен? - Саша кивнул. - Мы поедem во Владимир.

Этот разговор был в понедельник. В тот же день я отнесла интервью в редакцию. Мой начальник очень удивился, как и где я «выловила» Раевского. Я не стала ему говорить, что мы знакомы.

Моё интервью приняли, мне выписали премию. Я попросила у Ника дать мне машину, которую ему на двадцатилетие подарил отец. Я достала из ящика свои права, которые мне ни разу не пригодились с того момента, как я их получила. В пятницу рано утром я подъехала к дому Раевских, Саша сел в машину, и мы поехали. Ник остался в Москве, потому что у него в тот день была работа, да и узнав о целях поездки, он отказался, поскольку чувствовал себя неуютно.

Я уже несколько лет не была во Владимире. Если Анины родители приезжали к нам в гости довольно часто, то я никак не могла найти в себе силы и снова войти в этот дом. По этой причине мне стало не по себе, когда мы подъехали к дому и подошли к дверям. Я сглотнула ком, образовавшийся в горле, и постучала в дверь. Через полминуты дверь открыла открыла Анина мама, тётя Юля.

Она сильно постарела, хотя мы не виделись всего месяца три. Но её взгляд как будто ожил - глаза горели чем-то. Впервые за три года она по-настоящему жила.

- Серёжа на работе, будет вечером. Вы же ещё не уедете? Софи, представь мне, пожалуйста, своего спутника. - Быстро говорила тётя Юля.

- Это Александр Раевский, биатлонист. Саш, это Юлия Михайловна, мама Ани.

– Соф, это правда тот самый Раевский? Но как ты его нашла?

– Саша – брат Ника.

– Ой, Анечка бы обрадовалась. Она так любила смотреть ваши старты, Александр. Я думаю, она бы хотела с Вами познакомиться! – Я думала, что тётя после этих слов помрачнеет, но она осталась такой же активной, что меня очень удивило.

– Юлия Михайловна, может вам помочь как-то? – Вмешался Саша. – Я хочу сделать что-то полезное. Может, надо траву собрать лишнюю? Или покрасить что-то? Если надо что-то – не стесняйтесь. Я хочу сделать что-то важное для вас, для неё.

– Знаете, совсем нечего делать! К нам на прошлой неделе приезжал Стас, он уже всё сделал.

– Что-то случилось? – Я была взволнована, Стас ни разу не приехал к Аниным родителям после похорон. Я с ним виделась один раз, когда после окончания школы мы с Ником поехали на неделю в Петербург. Он начинал жить заново, но он говорил, что не может сюда приехать, как и я. – Зачем он приехал?

– Сонь, ты не поверишь! Он женится!

– На ком? Она хорошая?

– Да, я думаю, они идеально подходят друг другу. Ты удивлена, почему я так за него рада? Они с Аней вместе были шесть лет, он стал за это время мне как сын. Конечно, я желала ему только добра. Я знала, что однажды это точно случится. Он молодец!

– Да. Я надеюсь, его брак будет счастливым!

Тётя Юля угостила нас чаем, и мы с Сашей ушли на улицу. Идти до кладбища было далеко, нам было необходимо пересечь несколько полей. На машине туда нельзя было добраться, поэтому мы шли пешком. Примерно на середине пути я подвернула ногу. Чтобы меньше чувствовать боль, я решила отвлечься. Я начала

читать Анино стихотворение. Саша сказал, что это со стороны смотрится романтично, но я не обратила внимание на его слова.

Вскоре мы пришли. Это было небольшое кладбище, где почти никогда не было народу. Я достала из сумки огромную пачку писем. Их было около ста восьмидесяти. Это были все те письма, которые я писала Ане каждую неделю с середины десятого класса. Через три с половиной года они дошли до адресата.

– Здравствуй, Ань, – Я начала монолог, – смотри, кого я тебе привела. Это Саша Раевский. Ты так мечтала с ним познакомиться! К сожалению, знакомство проходит именно в такой форме, но по-другому мы не можем сделать. Саша уже приблизился к лидерам чемпионата, он самый настоящий молодец.

– Добрый день, Анна Сергеевна. – Саша продолжил, высказывая свои мысли. К моему удивлению, он не был смущён и не стеснялся, он говорил искренне. Я Александр Раевский. Я думаю, вы бы не обиделись, если я бы говорил на «ты». Аня, я прочитал твой стих. Он очень глубокий. Я не знаю, что на тебя повлияло, вдохновило на его написание. На самом деле, я хотел бы сказать тебе спасибо. Хотя мы с тобой и не были лично знакомы, Софи, многое мне про тебя рассказывала. Однажды я поймал себя на мысли: «А понравилось ли это бы Ане Громовой?», когда хотел не до конца выложиться на тренировке. Просто спасибо тебе. За всё спасибо. За то, что привязала Софи к биатлону. Ведь именно благодаря тебе мы знакомы. Сонька – моя единственная и настоящая подруга. Я надеюсь, ты была счастлива.

– Знаешь, – через несколько минут обратился Саша ко мне, – я тебя обманул. – Я удивленно посмотрела на Сашу. – На самом деле, я несколько иным образом пришёл в биатлон. Да, мама меня привела в секцию, когда я хотел научиться кататься на лыжах. Но я постоянно был недоволен, меня изматывали тренировки, я много пропускал школу, а потом начал прогуливать тренировки. В двенадцать лет меня чуть было не выгнали из команды. И не так давно я осознал, каким же глупым был. Тут даже дело не в богатстве и знаменитости. Ведь биатлон – это настоящая жизнь. Сейчас я не могу представить, чтобы я делал без биатлона.

Побыв ещё немного на том месте, мы неспеша пошли обратно. Нам обоим стало некомфортно, поэтому мы не говорили по пути назад – каждый из нас молчал, потому что нам надо было проанализировать произошедшее. Несмотря на возникшую неловкость, на всю абсурдность происходящего, я была счастлива,

так как я выплеснула всё, что таким грузом несла в душе несколько лет. Я не могла понять, что важного в этом мероприятии нашёл Саша, ведь он даже не был знаком с Аней. Я предположила, что это связано с тем, что именно в моей кухне Раевский видел своего первого и самого преданного фаната. Возможно, Сашу поразили мои рассказы о сестре. Я так и не смогла дать вразумительного ответа на поставленный вопрос, поэтому просто приняла во внимание и смирилась.

К тому моменту, как мы вернулись в дом, дядя Серёжа уже вернулся с работы. Он познакомился с Сашей. Дядя был очень рад, ведь он тоже был фанатом биатлона. Тётя Юля разогрела нам обед. Мы поели, сели к камину с чаем и проговорили несколько часов на самые разные темы.

Сначала мы с Сашей планировали уехать домой в тем вечером, но мы задержались на кладбище, поэтому решили остаться на ночь. Нам отвели комнаты на третьем этаже.

В последний раз я там была той ночью с Егором. Мне было тяжело подниматься по лестнице, заходить в такую родную, но одновременно чужую комнату. Тётя Юля говорила, что туда никто не заходил всё это время, комната была заперта на ключ.

Я сглотнула образовавшийся в горле ком и переступила порог комнаты, в которой мы спали с Аней в течение многих лет и в которой я так не смогла заснуть перед её похоронами. Это была гостевая комната, но она всегда считалась моей, кроме меня там никто не спал. Всё та же большая кровать, то же угловатое окно, те же шкафы и полки.

Я надела пижаму, подготовилась ко сну и позвала к себе Сашу. Сидя на кровати, я ему рассказывала истории про Аню. Про её взлёты и падения. Про её любовь и ненависть. Я говорила как будто про себя. Со временем я поняла её мотивы, которых не понимала раньше. Раевский внимательно меня слушал, что-то спрашивал и уточнял.

Когда я закончила рассказ, мы замолчали, но это молчание не было неловким. Считается, что с хорошим друг – это тот, с кем уютно и без слов. Я ещё раз убедилась, что мы с Раевским – самые настоящие друзья.

– Да, Валя и Егор – родные друг другу братья. Валя поступил на перспективную специальность технического вуза, он сейчас учится и работает в исследовательской лаборатории. Он практически ни с кем не общается, никуда не выходит. Но я его не осуждаю, ему нравится такой образ жизни. Егор избрал другую дорогу: он несколько лет путешествовал по Европе. Из каждой столицы он присылал мне открытки. Если ты видел, у меня дома над столом висит одна: эта из Берлина. Пару раз в год Егор приезжает в Россию, мы с ним иногда видимся. Мы с ним по-настоящему родные люди, хотя общаемся не так часто.

Саша поздно ушёл в свою спальню и, как потом мне рассказал, так и не смог уснуть той ночью. Я же заснула почти сразу и спала спокойно – я начала отпускать ситуацию, заложницей которой стала. На это мне потребовалось больше трёх лет. Но я осознавала, что невозможно разом отпустить всё то, что так долго волновало меня. Я была готова к тому, что процесс выздоровления будет долгим и, возможно, болезненным. Я была готова отпустить.

Мы с Сашей рано позавтракали, поблагодарили дядю с тётей за оказанный нам тёплый приём, и мы поехали домой. У Саши были какие-то дела, поэтому я высадила его напротив офиса Федерации биатлона и поехала к Нику в контору. Ник попросил отвезти в его суд, где ему надо было отдать бумаги. Таким образом, около трёх часов дня я оказалась дома.

Глава 6

Вечером, когда Ник вернулся из суда, я рассказала ему о поездке и сказала, что почувствовала, что надвигаются какие-то перемены. Ник внимательно меня выслушал, а потом предложил мне пойти в кафе, но я сильно устала, поэтому отказалась и предложила поужинать дома. Готовя пасту, мы говорили о предстоящем сезоне, и я предложила купить билеты на какой-нибудь этап, потому что я хотела ещё раз окунуться в эту атмосферу биатлонного праздника, но уже вместе с Ником. А ещё мы оба хотели посмотреть вживую на Сашку в основном составе.

Так как этап в России в тот год не проводился, перед нами стал вопрос о выборе этапа. Ник предлагал Италию, а я настаивала на Германии. После недолгих уговоров Ник уступил мне, зная, как сильно я мечтала побывать в Германии. Выбрав этап, мы легли спать. На следующее утро я спросила у Саши о билетах, и он дал мне контакт нужного человека. Я сказала Нику, что билеты уже почти у нас в кармане. Ник предложил сходить в ресторан и отпраздновать скорое

исполнение моей мечты о Германии. Я с радостью согласилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/metlickaya_anna/put-k-uspehu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)